

нию оружия были необоснованными и при отсутствии указанных в законе условий противодействия активной вооруженной агрессии, опасной для жизни военнослужащих, представителей других силовых ведомств и граждан, находящихся в режиме физической защиты, а также несоблюдении требований федеральных законов о применении оружия, специальных средств и физической силы».

Закрепление в УК РФ подобного обстоятельства, на наш взгляд, устранил законодательный пробел, а также усилит правовую логику действий, направленных на обеспечение реальной физической защиты должностных лиц и граждан, обеспечивающих свою профессиональную деятельность и выполняющих гражданский долг. Полагаем, что это обстоятельство, исключая преступность деяния, будет иметь предупредительное значение и влиять на формирование адекватного правосознания и общественного мнения в связи с применением силовыми структурами указанных экстраординарных мер принуждения в сфере обеспечения правопорядка и правосудия.

В процедурах осуществления правосудия накал страстей, эмоций, столкновение интересов, полярность противоречий, а также уровень ответственности и принуждения достаточно высоки, что делает эту сферу

профессиональной деятельности и гражданского участия весьма опасной. Здесь недостаточно обладать только гражданским мужеством. Непоколебимость правосудия обязательно нуждается в наличии эффективного механизма физической защиты всех лиц, привлекаемых к участию в досудебных процедурах и судебных процессах. Всякое нарушение прав граждан в сфере правосудия является не только грубейшим посягательством на права граждан, но и низводит систему правосудия до уровня недееспособного и даже вредоносного бюрократического придатка государства, неспособного осуществлять правосудие. Без правосудия государство становится обществом граждан, беззащитных перед произволом, криминальными посягательствами, беззаконием, а законы превращаются в пустые декларации. Без реального правосудия государство не может быть правовым, а граждане лишаются возможности пользоваться своими правами и должной, в рамках закона, свободой и защищенностью. Только правосудие способно обеспечить защиту прав и интересов граждан, но и оно, обеспечивая судебное правоприменение и правосудное принуждение, нуждается в наличии эффективного механизма государственной защиты от криминального вмешательства, воздействия и опасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Рафиков Р. Р. Судебное правоприменение: теоретико-правовой анализ : автореф. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 3.

² См.: Российская газета. 2004. 25 авг.

³ См.: Там же. 1995. 26 апр.

¹ Sm.: Rafikov R. R. Sudebnoe pravoprimerenie: teoretiko-pravovoj analiz : avtoref. ... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2006. S. 3.

² Sm.: Rossijskaja gazeta. 2004. 25 avg.

³ Sm.: Tam zhe. 1995. 26 apr.

УДК 343.13

Институт реабилитации в уголовном процессе: его назначение и эффективность

Н. Д. РАТНИКОВА – заведующая кафедрой уголовного права и уголовного процесса Воронежского аграрного университета, кандидат юридических наук, доцент;

Н. А. ХУЗИНА – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Воронежского аграрного университета, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются вопросы назначения и эффективности уголовно-процессуального института реабилитации, анализируется становление института реабилитации в контексте целей уголовного процесса, а также роль реабилитации как назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: реабилитация; институт реабилитации; принцип; презумпция невиновности; уголовное преследование; судебное разбирательство; вред; жертвы репрессий; осужденные; справедливость.

Institute of rehabilitation in the criminal procedure: its purpose and effectiveness

N. D. RATNIKOVA – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Voronezh Agrarian University, PhD in Law, Associate Professor;

N. A. KHUZINA – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Voronezh Agrarian University, PhD in Law

The article discusses the issues of the purpose and effectiveness of the criminal procedural institution of rehabilitation, analyzes the establishment of the institution of rehabilitation in the context of the objectives of the criminal procedure, as well as the role of rehabilitation as the purpose of criminal proceedings.

Key words: rehabilitation; institution of rehabilitation; principle; presumption of innocence; criminal prosecution; assize; harm; victims of repression; convicts; justice.

Институт реабилитации является одним из определяющих направлений процессуальной деятельности, служит назначением, задачей (целью) уголовного судопроизводства. С. М. Воробьев выделяет следующие признаки реабилитации как уголовно-процессуального института:

- комплексный характер, так как реабилитация направлена на минимизацию общественно опасных преступных последствий (физический, имущественный, моральный вред);

- гарантированность действия реабилитации со стороны государства в отношении жертв политических репрессий;

- социальный характер, в силу того что данный институт направлен на улучшение социального положения потерпевшего или выравнивание его социального положения по сравнению с другими гражданами¹.

Задачи уголовного процесса могут быть реализованы в условиях организации уголовно-процессуальной деятельности на демократических началах, то есть посредством соблюдения и реализации принципов уголовного судопроизводства, тем самым реабилитация реализуется в рамках принципов процесса, неразрывно связана с ними.

Идея реабилитации имеет наиболее важное значение в уголовно-процессуальной деятельности, так как является назначением процесса. Однако данные нормы законодателем рассматриваются в главе, посвящен-

ной принципам судопроизводства, ввиду того что вытекают из общих руководящих положений уголовного процесса и основываются на них. Законодатель тем самым указывает на их неразрывную связь, на взаимообусловленность результата процессуальной деятельности (назначение, цель) и ведущих к нему путей (принципов).

Первоначальным импульсом в реализации назначения уголовного судопроизводства служит уголовное преследование, которое обусловлено наличием преступных нарушений закона и необходимостью обнаружения и наказания виновных. Но стоит процессу возникнуть, как сразу появляется другая проблема: не допустить привлечения к уголовной ответственности невиновного, не подвергнуть его незаконному преследованию и наказанию. И потому законодатель в ст. 6 УПК РФ назначением уголовного судопроизводства определяет защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Законодатель выделяет два направления уголовно-процессуальной деятельности, в которых подчеркивается не только карательная, но и правозащитная сущность данной деятельности и отмечается, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроиз-

водства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. «Характеризуя нормы института реабилитации через призму уголовно-процессуальных норм, необходимо отметить ответственность государства, выражающуюся не столько в принуждении, сколько в способности к собственному покаянию в виде возмещения вреда, причиненного гражданину в результате уголовного преследования, в полном объеме, независимо от вины органов дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда (ч. 1 ст. 133 УПК РФ)»².

Отметим, что не все исследователи положительно оценили гуманистическую направленность деятельности в отношении незаконно подвергнутых уголовному преследованию и наказанию. Так, например, А. Парий считает, что «происшедшие изменения коснулись, прежде всего, таких участников уголовного процесса, как подозреваемый и обвиняемый в совершении преступления... Жертва же преступления осталась, по сути, “за бортом” проводимой правовой реформы, хотя стоящие перед ней проблемы носят весьма и весьма острый характер, а их разрешение не менее важно, чем разрешение проблем лиц, подвергшихся уголовному преследованию»³.

Уголовное преследование и судебное разбирательство не должны порождать конкуренцию между потерпевшим и обвиняемым. Речь должна идти об объективном характере принимаемых решений и защите интересов личности. Уголовный процесс имеет своей задачей равноценную защиту интересов любой стороны при объективной оценке доказательств. В юридической литературе справедливо отмечается, что защита прав человека является приоритетной в иерархии процессуальных целей⁴.

УПК РФ отказался от формулировки «задачи уголовного судопроизводства» и ввел новый, мало используемый в процессуальной литературе термин «назначение уголовного судопроизводства», который трактуется и как цель, и как задача, и как функция. Например, Г. П. Химичева и О. В. Химичева считают, что «назначение уголовно-процессуальной деятельности – это ее цель, то, к чему надо стремиться, что надо сделать; иначе говоря, ожидаемые результаты, на достижение которых должны быть направлены действия органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизвод-

ство»⁵. С этой точки зрения в новом законодательстве реабилитация рассматривается как назначение уголовного процесса.

Но ранее действовавшее уголовно-процессуальное законодательство указывало на двуединый результат: виновный подвергается наказанию в меру своей вины, а невиновный ограждается от уголовного преследования и наказания. Однако не все ученые склонялись к мнению, что реабилитация и оправдание являются задачами уголовного процесса. Так, в юридической литературе встречались следующие суждения: «В случае, когда к уголовной ответственности привлекается невиновный, задачи процесса не достигаются, несмотря на вынесение оправдательного приговора. Если же к задачам уголовного процесса относить оправдание невиновного, то это как бы говорит практическим работникам: привлекайте к суду и арестовывайте как виновных, так и невиновных, а суд разберется; виновного накажет, а невиновного оправдает; и в том и в другом случае задачи уголовного процесса будут достигнуты»⁶. Следуя логике автора, если по уголовному делу подозреваемым (обвиняемым, подсудимым, осужденным) оказалось невиновное лицо, то деятельность того или иного органа является ошибочной. Считать же исправление ошибок целью процесса – значит заранее предполагать наличие этих ошибок⁷.

Полагаем, что с такими суждениями нельзя согласиться. Идеология советской правоохранительной системы была нацелена на быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных. Однако деятельность судей, прокуроров, следователей, дознавателей, как и любая другая человеческая деятельность, не застрахована от ошибок. Они неизбежны и обусловлены не только субъективными причинами, связанными с прямым нарушением закона, но и объективными причинами, не зависящими от должностных лиц. Возможны случаи, когда вред причиняется лицу не только умышленным нарушением его прав, но и по неосторожности либо в результате добросовестного заблуждения должностного лица при осуществлении процессуальных действий в отношении тех граждан, которые в действительности не причастны к совершению преступления. Так, к ошибке, носящей объективный характер, можно отнести ситуацию, когда лицом, совершившим преступление, было создано ложное представление об отдельных элементах состава преступления (например, подложность доказательств), указывающих

на невиновное лицо. И только в процессе следствия могут быть выявлены подлинные обстоятельства дела. Уголовное дело прекращается за непричастностью к совершению преступления, и лицо подлежит реабилитации. Действия следователя в данном случае нельзя расценивать как умышленное причинение вреда законным правам и интересам личности.

Именно в ходе расследования можно установить наличие события и состава преступления, причастность лица к этому преступлению. В те короткие сроки, в течение которых решается вопрос о возбуждении уголовного дела, нет возможности получить полную картину преступления. Поэтому обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ, подлежат доказыванию в пределах всего срока производства по уголовному делу. Временные рамки доказывания не имеют ограничительных сроков и зависят от сложности расследования (ч. 5 ст. 162 УПК РФ). Усилия сотрудников правоохранительных органов в данном случае направлены на отыскание истины, и если эти поиски приведут к установлению отсутствия самого события или состава преступления или непричастности лица к совершению преступления, то дело подлежит прекращению и конечной целью процесса становится реабилитация. Поэтому представляется неправильным называть ошибкой действия должностных лиц по отысканию истины.

Законодатель не только отвел роль реабилитации как назначению уголовного процесса, но и указал на органическую связь принципов процесса и реабилитации. Например, если говорить о связи реабилитации и принципа презумпции невиновности, то необходимо подчеркнуть, что последний по праву считается как в науке уголовного процесса, так и в практической деятельности по привлечению граждан к уголовной ответственности и осуждению самым демократичным, основополагающим. По образному выражению В. М. Савицкого, «для науки о правосудии и для всей нашей практики борьбы с преступностью нет более верного компаса, чем безоговорочное признание и правильное понимание презумпции невиновности – этого важнейшего принципа, основополагающего начала уголовного судопроизводства»⁸. Мнения, согласно которому, если вина обвиняемого не доказана и остались сомнения, то обвиняемый считается невиновным в соответствии с презумпцией невиновности и должен быть реабилитирован, в уголовно-процессуальной теории придерживались и другие известные ученые⁹.

В истории науки уголовного процесса были и противники этого принципа. Они рассуждали таким образом: как же можно считать невиновным человека, которого предали суду и даже арестовали? Такие суждения, к сожалению, высказывались нередко. Когда сам процесс имеет обвинительный уклон, деятельность должностных лиц строится на принципе «к уголовной ответственности невиновный не привлекается». Однако следственные и судебные ошибки неизбежны, поэтому до того момента, пока суд не вынесет обвинительный приговор, который должен вступить в законную силу, никто не вправе считать лицо виновным в совершении преступления.

Привлекая гражданина к уголовной ответственности, должностные лица исходят из своего внутреннего убеждения о его виновности, которое основано на собранных по делу данных. Однако это не означает, что принято окончательное решение о виновности лица. Сам факт привлечения к уголовной ответственности в стадии расследования еще не означает признания лица виновным. Привлечение к уголовной ответственности – процессуальный акт, порождающий уголовно-процессуальные, а не уголовно-правовые отношения. Причем только при реализации последних может наступить уголовная ответственность. До того момента, пока не наступила уголовная ответственность и обвинительный приговор суда не вступил в законную силу, лицо может быть признано невиновным в совершении преступления. И потому с подозреваемым и обвиняемым нельзя обращаться как с виновным в совершении преступления. Субъективное убеждение лиц, осуществляющих предварительное следствие, в виновности обвиняемого станет объективным лишь после вступления обвинительного приговора в силу. Применение любых мер уголовно-процессуального принуждения не должно рассматриваться как доказательство виновности лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

Реабилитация законодателем определяется как порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда (п. 34 ст. 5 УПК РФ). Данное определение, по нашему мнению, не до конца раскрывает правовое содержание этого понятия. Под порядком, очевидно, подразумевается как процесс признания права на реабилитацию посредством вынесения акта о реабилитации (фактическая реабилитация), так и про-

цесс восстановления в правах (то, что должно последовать после реабилитации).

Однако законодатель подчеркивает, что реабилитация уже состоялась с признанием права на нее. Так, в п. 35 ст. 5 УПК РФ устанавливается, что реабилитированный – лицо, имеющее в соответствии с настоящим кодексом право на возмещение вреда, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием. Получается, что сначала состоялась реабилитация (коль законодатель называет лицо реабилитированным), а впоследствии реабилитированный имеет право на возмещение ущерба. Также в ст. 134 УПК РФ отмечается, что суд в приговоре, определении, постановлении, а следователь, дознаватель в постановлении признают за оправданным либо лицом, в отношении которого прекращено уголовное преследование, право на реабилитацию. Одновременно реабилитированному (заметим, законодатель уже называет лицо таковым) направляется извещение с разъяснением порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием. Отметим и то, что ст. 135 УПК РФ начинается со слов «возмещение реабилитированному имущественного вреда...».

Следовательно, лицо становится реабилитированным с момента принятия уголовно-процессуального акта, фиксирующего право на реабилитацию. Все последующие восстановительные меры судебные и правоохранительные органы обязаны принять по волеизъявлению этого лица, при этом требования о возмещении вреда должны последовать, согласно ч. 2 ст. 135 УПК РФ, в течение сроков исковой давности, уста-

новленных гражданским законодательством. Если же таковые требования не были предъявлены, нельзя считать данное лицо нереабилитированным.

Обращает на себя внимание название ст. 134 УПК РФ: «Признание права на реабилитацию». Если в процессуальном акте признается лишь невиновность лица и ему разъясняется право на реабилитацию, то почему с принятием процессуального акта сразу появляется реабилитированный, которому направляется извещение с разъяснением порядка возмещения вреда. Право на реабилитацию не определяет, с какого момента осуществляется реабилитация. Представляется целесообразным изменить название данной статьи кодекса на следующее: «Порядок реабилитации». Необходимо также внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 134 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Суд приговором, определением, постановлением, а следователь, дознаватель постановлением признают оправданное лицо либо лицо, в отношении которого прекращено дело по реабилитирующим основаниям, реабилитированным. Одновременно реабилитированному направляется извещение с разъяснением порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием либо незаконным осуждением».

В предложенной для законодателя трактовке четко вырисовывается момент признания лица реабилитированным – момент признания его невиновным и непричастным к совершению преступления. Все последующие восстановительные мероприятия являются последствиями уже состоявшейся реабилитации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Воробьев С. М. Реабилитация жертв политических репрессий как комплексный уголовно-процессуальный институт // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 132.

² Корчагина Л. И. К вопросу о понятии и сущности реабилитационных правоотношений в уголовном судопроизводстве России // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7. С. 147.

³ Парий А. Защита прав жертвы преступления в российском уголовном процессе // Правозащитник. 1997. № 1. С. 44.

⁴ См.: Петрова О. В. Объективная истина и гарантия ее установления в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2000. С. 13–14.

⁵ Химичева Г. П., Химичева О. В. УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства // Закон и право. 2002. № 10. С. 36.

⁶ Якуб М. Л. Демократические основы советского уголовного права. М., 1960. С. 17–18.

⁷ См.: Томин В. Т. Понятие и цели советского уголовного процесса // Правоведение. 1969. № 4. С. 68.

⁸ Савицкий В. М. Презумпция невиновности. М., 1997. С. 2.

⁹ См.: Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности / под ред. В. М. Савицкого. М., 1984.

¹ Sm.: Vorob'ev S. M. Reabilitacija zhertv politicheskikh repressij kak kompleksnyj ugovolno-processual'nyj institut // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 4. S. 132.

² Korchagina L. I. K voprosu o ponjatii i sushhnosti reabilitacionnyh pravootnoshenij v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 7. S. 147.

³ Parij A. Zashhita prav zherty prestuplenija v rossijskom ugovolnom processe // Pravozashhitnik. 1997. № 1. S. 44.

⁴ Sm.: Petrova O. V. Ob'ektivnaja istina i garantija ee ustanovlenija v ugovolnom processe : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Voronezh, 2000. S. 13–14.

⁵ Himicheva G. P., Himicheva O. V. UPK RF o naznachenii ugovolnogo sudoproizvodstva // Zakon i pravo. 2002. № 10. S. 36.

⁶ Jakub M. L. Demokrateskie osnovy sovetskogo ugovolnogo prava. M., 1960. S. 17–18.

⁷ Sm.: Tomin V. T. Ponjatie i celi sovetskogo ugovolnogo processa // Pravovedenie. 1969. № 4. S. 68.

⁸ Savickij V. M. Prezumpcija nevinovnosti. M., 1997. S. 2.

⁹ Sm.: Strogovich M. S. Pravo obvinjaemogo na zashhitu i prezumpcija nevinovnosti / pod red. V. M. Savickogo. M., 1984.